

Сфинкс Шемякина

А мы такого сфинкса не видали
До мастера, который смог посметь
Скульптуру поделить по вертикали
На две простые сути – жизнь и смерть.

Нам нежный профиль девы волоокой
Рассматривать неловко. Нелегко
Знать, что в груди, по-девичьи высокой,
Скисает, бронзовея, молоко.

О, сколько их, забитых палачами,
В подземном царстве спит под грифом «икс»...
Недаром чёрно-белыми ночами
Зловеще оживает русский сфинкс.

Под львиной кожей мается в неволе.
Решётка рёбер – вечные тиски.
На мрачную тюрьму – на сгусток боли
Он воет от бессилья и тоски.

И вот уже по воле драматурга
Орда мурашек двинулась в дозор...
Шемякинское чудо Петербурга
Пот вышибает из дублёных пор.

Срослись навечно сфинкса половины,
Являя нам иное божество.
Но если жизнь заснула сном невинным,
То смерть не дремлет в облике его.

Не всё ль равно нам, кто в законах общих
Задул для жертв сияние светил?
И кто сошёл за душами усопших –
Святой Анубис или Гавриил?

Густеет синева ночного крепа,
Стекающая со вселенской высоты.
Сестра-близнец царя Аменхотепа
Глядит пустой глазницей на «Кресты».

Жертва Сирии

Народ, Всевышнего не зли,
Он терпелив не слишком...
В больницу как-то привезли
Трёхлетнего мальчишку.

Сирийский мальчик. Он попал
В район военных действий
И жертвою обстрела стал,
Свидетелем всех бедствий.

С обидой глядя на народ
Своим недетским оком,
Он будто чувствовал: вот-вот
Предстанет перед Богом.

Врачи над раненым мальцом
Кружили безуспешно,
А тот с заплаканным лицом
К ним обращался, грешным.

Повергли в шок хирургов тех
Слова мальчика, ей-богу:
«Всё Богу расскажу! На всех
Пожалуюся Богу».

Так взрослым дядям он сказал
И Богу отдал душу...
Ну что же ты притих, мой зал?
Не рвётся крик наружу?

Известно мне, о чём молчишь,
В душе тая тревогу:
А вдруг и вправду тот малыш
Пожалуется Богу?

Греция

Здесь древние скалы – под стать великанам –
Пронзают вершиной тугой небосвод,
Здесь щедрое солнце червонцем чеканным
Нырнет в казну ослепительных вод.

Здесь пальмы, томясь в ананасной кольчуге,
Играют фонтаном листвы на весу,
А где-то венчают янтарные струги
Морскую лазурь и небес бирюзу.

Мерцают кораллы в пещерах хоромных,
Пасутся морские коньки на лугах,
От жадных десниц и от взоров нескромных
Таятся в прозрачной воде жемчуга.

Уж вечер лиловый со вкусом елея,
Густою прохладой спускается с гор.
От рощ апельсиновых стало светлее,
Оливковой ветвью овеян простор.

Как странно: в чертогах божественной крыши
Глядит иностранно в Лутраки луна,
Кудрявая пиния – свежестью дышит,
Свеча кипариса – молитвы полна.

Арахна плетёт сладострастные сети,
Пытаясь поймать в них и запах, и звук.
И словно на память о греческом лете
Упал мне на грудь перламутровый жук...

Очнувшись от знойной цикадной свирели,
Я мысленным взором к Сибири вернусь,
К морозным окошкам, к заснеженным елям...
Ты – кажешься сказкой, далёкая Русь!

Ахматова + Модильяни

Весна в Париже столь нежна...
А в очертаньях плавных линий
Грустит восточная княжна
Полурабой, полубогиней.
То – царскосельская жена.

Под нею ложе – пьедестал.
О чём тогда мечталось Анне,
Пока портрет с неё писал
Великолепный Модильяни?
Вот – кисть, а вот – лица овал.

Глаза – отверстия бойниц –
Её сверлили. Что он видел?
Изгибы стройных танцовщиц,
Урея, что несёт погибель,
Чело египетских цариц?

Пора прощания. Как жаль,
Что о разлуке мысль лелея,
Закрыл свои врата Версаль,
И Люксембургские аллеи
Накрыла лунная вуаль.

В застенках копошится мышь,
А за окном стенает Сена.
В ней всё – отчаянье и тишь.
Он так торжественно-почтенно
Сложил к её ногам – Париж.

Как не расплакаться при нём?
Ещё вчера бродить степенно,
Фиакры обгоняя днём
И декламируя Верлена,
Им было весело вдвоём!

А ныне царствует тоска,
Судьба коварна, как Медея.
Медовой каплей с языка
Скатилось имя – Амедео.

И закатилось на века.
Воздушный абрис сохранил
Всю безысходность расставаний.
Не слышен шелест белых крыл –
Печальный ангел Модильяни,
Прощаясь, голову склонил.

* * *

М.И. Цветаевой

Жизнь убегала вниз по лесенкам,
Метался ворон чёрным вестником,
Велел судьбу могильным крестиком
Довышивать.
Один стежок – до исступления,
Один шажок – до преступления,
Чтоб даже смертью без смирения
Протестовать.

Сусальным пряником не сытая,
Несправедливо позабытая,
Как жили вы нуждой обвитая
В миру? Бог весть.

Но думой бредили единственной,
Чтоб откровенно и таинственно,
Так по-цветаевски, воинственно
Навек отцвесть.

Ах, как вы пели в Коктебеле!
Томясь на жизненном пределе,
Вы шею хрупкую посмели
Петлём стянуть,
Знать от отчаянья и злости
До хруста подъязычной кости,
К привалу на чужом погосте –
Короче путь!

Зачем дворами захоластными
Стихами литься златоустными?
Чтоб музе кровяными руслами
Не обмелеть!
Но дождь, не воскресивший радуги,
В печальном августе Елабуги
Ни манны не сулил, ни потоки –
Скупую смерть.

Пера отчаянная ратница,
За красно-белую сумятицу
Россия платит – не расплатится
Уж столько лет!
Хозяйка, что от нас хоронится,
Всяк вашей реченьке поклонится!
Но почему исток ваш – помнится,
А устье – нет?